

Научная статья
УДК 930.85+94.47
doi: 10.17223/24099554/23/13

К истории коммеморативных проекций сюжета о покорении Сибири: ледокол «Ермак» как риторико-имагологический феномен

Яна Вячеславовна Баженова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, 54955594@mail.ru

Аннотация. До сих пор в гуманитарных науках не ставился вопрос о том, почему первый в мире ледокол арктического класса, созданный в 1897–1899 гг., был назван в честь покорителя Сибири «Ермаком». В статье предпринимается попытка изучения коммеморативной практики, ядром которой является имя собственное. Анализируется, с одной стороны, нарратив, сформировавшийся вокруг создания ледокола «Ермак», с другой – семантика и функции мотива льда в летописных и художественных текстах о покорителе Сибири.

Ключевые слова: Ермак Тимофеевич, ледокол «Ермак», имперская и советская имагология Сибири, оноματοпэтика, лед в культуре

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

Для цитирования: Баженова Я.В. К истории коммеморативных проекций сюжета о покорении Сибири: ледокол «Ермак» как риторико-имагологический феномен // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 260–298. doi: 10.17223/24099554/23/13

Original article

doi: 10.17223/24099554/23/13

On the history of commemorative representations of the plot about the conquest of Siberia: The icebreaker Ermak as a rhetorical and imagological phenomenon

Yana V. Bazhenova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, 54955594@mail.ru

Abstract. The world's first Arctic icebreaker was laid down on the slipways of the English shipbuilding company Armstrong Whitworth & Co, Newcastle, on a Russian order in 1897. Various options were proposed for the name of the ship, but Emperor Nicholas II approved the point proposed by Siberian merchants, and the icebreaker was called Ermak. The article examines why the important technical achievement at the turn of the 20th century was named after the conqueror of Siberia. Two narratives are analyzed to answer this question. The first narrative is about the icebreaker Ermak, which started as a part of the imperial project of the late 19th – early 20th centuries and continued its development during the Soviet period. In this case the material of examination is a book by Stepan Makarov *Ermak in the Ice* (1901) – a kind of a biography of the icebreaker; metropolitan and Siberian newspapers of 1897–1898; and special studies and encyclopedic articles about the history of the icebreaker, which began to appear in the 1930s. As part of the study, two levels of description into the narrative around the icebreaker were discovered: “imperial” and “public”. The former is characterized by emphasizing the dominant position of the monarch/power, the pathos of modernization, progress, breakthrough; the latter by an emphasis on the national character and national spirit, the pathos of liberation. Both of these strategies for describing the icebreaker are due to the dual perception of the conqueror of Siberia in Russian culture. Thus, from an official perspective, the Cossack ataman is attractive because of his desire to atone for guilt towards the tsar and regain his legitimacy in the eyes of society and the authorities; in this vein, the conquest of Siberia was understood as a feat in the name of glory and the tsar. However, for the “democratic” audience of texts about Yermak, the motive of freedom, the Cossacks’ search for “free will”, which they follow in spite of the monarch, is in the foreground. The second narrative is constructed in chronicles and literary texts of the 19th–20th centuries about the Cossack ataman Yermak, where the authors focused on ice motifs. All selected art works with the ice motif can be divided into three groups, in which there is a correlation between intra-textual

semantics and functions of the ice motif, on the one hand, and the extra-textual reality – the stages of development of the Russian/USSR icebreaker fleet, on the other. The analysis showed that in Yermak's stories of the 19th–20th centuries the ice motif is endowed with meanings of liminality, ideas of transition from a primitive, wild, prehistoric terrible space-time into a cultural, mastered, familiar one. Yermak in this case turns out to be the key figure carrying out the transition, breaking through the border, thereby reminiscent of the main function of the icebreaker – building a water road through ice barriers.

Keywords: Yermak Timofeevich, icebreaker Ermak, imperial and Soviet imagology of Siberia, onomatopoeics, ice in culture

Financial Support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Bazhenova, Ya.V. (2025) On the history of commemorative representations of the plot about the conquest of Siberia: The icebreaker Ermak as a rhetorical and imagological phenomenon. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 260–298. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/13

С конца XIX в. по настоящее время одним из важнейших способов закрепления сюжета о Ермаке в памяти русской культуры является использование имени казачьего атамана как свернутого мифа¹. При этом наиболее продуктивным и востребованным элементом сюжета о Ермаке в процессе «текстуализации» его имени стал мотив открытия/покорения/освоения новых, труднодоступных – северных или сибирских – пространств и преодоления природных препятствий – например, холода и/или водных преград. Известно, например, что А.С. Пушкин впервые назвал землепроходца В.В. Атласова «Камчатским Ермаком» [6. С. 300]. В повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Полдень, или XXII век (Возвращение)» «Ермаком» именуется беспилотный планетолет, реализующий программу исследования космического пространства.

В декабре 1897 г. в Ньюкасле на стапелях английской судостроительной фирмы Armstrong Whitworth & Co по русскому заказу был

¹ Мифопоэтический подход к имени собственному был описан в трудах О.М. Фрейденберг[1], Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского [2], В.Н. Топорова [3]. Пространный перечень объектов, названных в честь Ермака, предлагают следующие издания: [4, 5].

заложен первый в мире арктический ледокол, названный в честь покорителя Сибири «Ермаком». Ледокол был спущен на воду 17 (30) октября 1898 г., а в марте 1899 г. прибыл в Россию. Уже в феврале–марте 1899 г., по пути из Англии в Кронштадт, «Ермак» прошел первое испытание льдами Финского залива. Более чем за 60 лет службы корабль дважды принимал участие в арктических экспедициях – в 1900–1901 и 1934–1939 гг., т.е. словно соединив имперский и советский периоды, а на протяжении большей части эксплуатации использовался для торговой и военной проводки судов на Балтике. Немаловажно и сохранение в СССР имени ледокола, которое он получил «при рождении», – известная советская привычка переименовывать доставшиеся в наследство от империи военные и гражданские суда [7] в данном случае не сработала, а точнее – сработала как характерное исключение. Когда в 1918 г. корабль был переименован большевиками в «Степана Разина» (по-своему весьма точно, так как в циклах историко-песенного фольклора имена Ермака и Разина стоят рядом), имя другого «народного» вождя не прижилось, и после Кронштадтского восстания против большевиков ледоколу вернули первоначальное название «Ермак» [8. С. 14].

Из немногочисленных сведений об истории именования ледокола известно, что первоначально сам инициатор создания корабля – адмирал С.О. Макаров – предполагал назвать его «Добрыней Никитичем». Другими обсуждавшимися вариантами были «Добрыня», «Енисей», «Петербург» [8. С. 14]. Дать ледоколу имя покорителя Сибири предложили иркутские и томские купцы, а окончательное одобрение и «“высочайшее” утверждение» имени «Ермак» было получено от Николая II в марте–апреле 1898 г.¹

Уже в перечисленных кратких деталях истории именования ледокола можно проследить проявление двух линий связанной с «Ермаком» риторики, которые условно можно обозначить как «народную» и «имперскую». Так, с одной стороны, в номинации ледокола, во-пер-

¹ «6 марта 1898 г. после доклада Витте Николаю II последовало “высочайшее” утверждение наименования ледокола «Ермак», как это предлагали иркутские и томские купцы» [9. С. 367]; «20 апреля (2 мая) 1898 года ледоколу было дано имя “Ермак”» [8. С. 14].

вых, фигурировал образ русского народного богатыря Добрыни Никитича¹, во-вторых, подчеркнуто учитывалось «низовое», частное слово сибирских купцов, а с другой стороны – это слово непременно легитимировалось Николаем II, монархом, который за несколько лет до создания ледокола уже проявил интерес к фигуре Ермака. Когда в 1895 г. на 23 выставке Товарищества передвижников впервые была показана картина В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», обещанная художником П.М. Третьякову за 30 000 руб., император выкупил ее за 40 000 руб. для Русского музея и сопроводил свое приобретение словами, в которых выразилась нацистроительная установка монарха: «эта картина должна быть национальной и быть в национальном музее». Такой жест со стороны власти можно считать актом включения казачьего атамана XVI в. в пантеон общенародных героев, причем антигосударственное, разбойническое реноме, также издавна прикрепившееся к образу героя, открыто игнорировалось.

Вопрос, который мы формулируем в настоящей статье, заключается в том, почему первый в мире арктический ледокол был назван в честь Ермака – казачьего атамана XVI в., не имеющего никакого отношения к полярным льдам и, более того, *утонувшего* в Иртыше? Для удовлетворительного ответа представляется необходимым проанализировать два нарратива:

1. Нарратив о ледоколе «Ермак», обязанный своим происхождением имперскому проекту конца XIX – начала XX в., продолживший свое развитие в советский период. Материалом в данном случае служит своеобразная биография ледокола – книга С.О. Макарова ««Ермак» во льдах» (1901), столичные и сибирские газеты 1897–1898 гг. и специальные исследования и энциклопедические статьи, посвященные истории ледокола, начинающие появляться в 1930-х гг.

2. Нарратив, сложившийся в тех летописных и художественных текстах XIX–XX вв. о казачьем атамане Ермаке, где авторы акцентировали мотивы льда. Например, в рассказе П.А. Висковатова «Василий Тимофеевич Ермак, покоритель Сибири» (1914) главной заслугой

¹ В перспективе рассмотрения сюжета о Ермаке важно отметить, что образ богатыря Добрыни, как и образ покорителя Сибири, связан с водной стихией: в наиболее известной былине о богатыре-змееборце сюжет включает нарушение запрета – купание Добрыни в Пучай-реке.

Ермака объявляется то, что он буквально «пробил брешь в Сибирь», куда «широкой волной хлынули русские» [11]. «Пробитие брешки» здесь характерно напоминает функцию ледокола и отчетливо формирует словесную инерцию, которая, весьма вероятно, могла повлиять на предложение со стороны сибирских купцов, – на чей читательский интерес и были ориентированы такие авторы, как Висковатов.

Двойственность образа исторического Ермака, выступающего в культуре то как дерзкий разбойник из народа, противопоставленный государственной власти, то как национальный герой, расширивший границы государства и увеличивший его славу, хорошо соотносится с намеченными выше «народной» и «имперской» линиями в окололедокольной риторике.

Так, покорение Сибири и реализация проекта по созданию арктического ледокола обретают сходство в мотиве *дерзновенности*, совершения яркого поступка, который сложно связан с официальной государственной политикой или даже противоречит ей. Напомним, что о походе реального Ермака Тимофеевича царь Иван Грозный ничего не знал, а когда узнал о смелом предприятии, то впал в ярость (см. опальную грамоту Строгановым в составе Строгановской летописи). История ледокола «Ермак» тоже начиналась буквально как личная инициатива адмирала С.О. Макарова, преодолевавшего в течение всего времени реализации своей идеи разные финансовые и бюрократические препоны. В фигуральном смысле С.О. Макаров сам уподобился Ермаку.

30 марта 1897 г. на заседании ИРГО в рамках научного обсуждения строительства ледокола¹ впервые были прочитаны лекции Ф.Ф. Врангеля «Краткий исторический обзор исследований Северного Ледовитого океана» и С.О. Макарова «К Северному полюсу – *напролом!*»

¹ Одним из первых шагов С.О. Макарова была докладная записка управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову от 9 января 1897 г., в которой Макаров обосновал торговое и стратегическое значение постройки ледокола. На записку Тыртов ответил отказом, посоветовав Макарову пропагандировать свою идею в научных кругах и среди меценатов [9. С. 345–347].

(здесь и далее курсив наш. — Я.Б.), в которых явственно звучала имперская риторика. В качестве аргумента в пользу постройки ледокола Врангелем и Макаровым выдвигалась мысль о национальной, государственной необходимости активного¹ и сознательного подчинения природы человеком:

Моя задача состояла в том, чтобы в беглом очерке напомнить здесь то, чего достигло человечество в вековых своих усилиях проникнуть в область вечных льдов, дабы овладеть ее сокровищами, раскрыть ее тайны, расширить власть человека над природой до крайних пределов обитаемой нами земли. В решении этой задачи Россия принимала выдающееся участие. Займем ли мы снова и в этой области подобающее нам место? [12. С. 23]².

Более того, Врангель и Макаров, отдавая должное личной инициативе частных лиц и групп (купцов, казаков, северных народов) в деле освоения морских путей, подчеркивали огромное преимущество государственной, централизованной, официальной поддержки подобного рода проектов:

¹ См. данную Ф. Врангелем характеристику Ф. Нансена (фигуры в арктических исследованиях крайне авторитетной): «подвижная натура Нансена, жаждая деятельности и борьбы с препятствиями, не выдержала этой пассивной роли» [12. С. 21].

² См. также топику лекции С.О. Макарова, который в своем обосновании строительства ледокола апеллировал к географическим особенностям России и к успешному, в том числе — западному, опыту использования таких кораблей: «Дело ледоколов зародилось у нас в России. Впоследствии другие нации опередили нас, но, может быть, мы опять сумеем опередить их, если примемся за дело» [12. С. 24]; «Теперь, когда Николаев, Одесса, Владивосток, Ревель и другие города расчищают себе путь ледоколами, один Петербург отстал от всех... Кажется немножко странным, что все порты опередили в этом отношении Петербург» [12. С. 44]; «Один порт после другого обзаводятся ледоколами, и видно общее усилие искусственным путем получить то, что природа отказалась дать путем естественным <...> Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столько, сколько Россия. Природа заковала наши моря льдами, но техника дает теперь огромные средства, и надо признать, что в настоящее время ледяной покров не представляет более непреодолимого препятствия к судоходству» [12. С. 45].

Молодецкая удаль, жажда наживы, желание раскрыть тайны неведомого – вот те силы, которые побуждали... пионеров русского заселения севера надвигаться все более и более к области вечных льдов. Поморы..., а также казаки и промышленники, переходя волоком из области одной сибирской реки в другую, подготовили почву позднейшим исследователям. Но это были личные подвиги отдельных смельчаков. <...> Великий Петр постигнул значение этого вопроса [12. С. 8]¹.

«Имперская» и «народная» линии в сюжете о названном в честь покорителя Сибири ледоколе отразились в заметках газетной периодики. С момента спуска «Ермака» на воду в Ньюкасле в октябре 1898 г., а затем с февраля по апрель 1899 г. корреспонденты газет следили за всеми передвижениями корабля. Обстоятельства его прибытия в российские порты и начала его эксплуатации регулярно отмечались в российских столичных и региональных газетах.

Так, с одной стороны, в русле «имперской» риторики корреспонденты подчеркивали *прогрессивное* общегосударственное значение новейшего ледокола, его огромный торгово-экономический и научный потенциал. В этом аспекте в печати подчеркивался *мотив преодоления ледоколом естественных ледяных преград*. В прессе подробно описывались технические характеристики «Ермака»: его рекордные размеры («второе больше самого большого ледокола» [13]), принципы работы («Ледокол набегает на лед и давит его под себя, выминая в стороны. Три задние винта толкают судно вперед, а передний винт обмывает подводную часть, чтобы удалить скопляющийся лед» [13]²), а также использованные в его конструкции передовые открытия и изобретения, «еще никогда и нигде не практиковавши[е]ся», которыми «предсказывают великую будущность» [13].

¹ См. также в описании поездки С.О. Макарова для обзора морского пути на Обь и Енисей: «Вышеприведенный перечень плаваний на Обь и Енисей показывает, что *русские купцы, не поддерживаемые даже своими соотечественниками, на свой риск* открыли торговое сношение европейских портов с Обью и Енисеем, но потом, *мало-помалу, дело перешло в английские руки*» [12. С. 68].

² В заметке «Санкт-Петербургских ведомостей» корреспондент трижды подчеркивает легкость, с которой «Ермак» разрезает лед: «ледокол... направился, *свободно пробивая во льду широкий десятисаженный канал...* <...> Шел *свободно, чрезвычайно легко разрывая своим могучим носом лед*, послушно отходивший в разные стороны. <...> ...были блистательно разрушены все теоретические

Ожидания прессы от «Ермака» были амбициозны, начало его эксплуатации осмыслялось как событие общегосударственного масштаба: «постройка ледокола “Ермак” является делом чрезвычайной важности, этот ледокол сделает *полнейший переворот* в нашем судоходе: дело это касается коммерции всей России» [16]; «ледокол имеет такие *грандиозные задачи* как продление навигации Петербурга и Кронштадта на значительный срок» [17]; «экономисты мечтают о постоянной поддержке водного пути между Архангельском и Петербургом, а географам мерещится уже *непобедимый ледокол, в ореоле северного сияния* приближающийся к северному полюсу...» [18]¹. Как и Врангель, А.Я. Прозоров, председатель Санкт-Петербургского биржевого комитета, в той же, «имперской», логике, что и его предшественник, вспомнил в своей речи в честь прибытия ледокола в столицу 4 апреля 1899 г. о петровских временах:

Скоро исполнится два столетия с тех пор, как *могучею рукой великого преобразователя земли русской* положено основание созданию новой столицы “на берегах пустынных волн” реки Невы. <...> Озираясь с чувством глубочайшей признательности на прошлое нашего порта, который своими успехами всецело обязан отеческим заботам Монархов ... мы видим, что

предсказания различных иностранных инженеров, что ледокол, прорезывая в узком... канале лед, откинёт последний на дамбы и тем будет содействовать их разрушению... “Ермак” *резал лед, как ножом* [14]. (Позже часть этой заметки была дословно воспроизведена корреспондентом «Сибирской торговой газеты» [15]).

¹ Необходимо отметить, что не все газетчики одобрительно отзывались о ледоколе. Так, например, 29 апреля 1899 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась статья А. Липягова «Несколько слов по поводу ледокола», в которой автор поставил под сомнение экономическую и институциональную целесообразность постройки «Ермака»: «Был Петербург портом, когда он был единственным удобным портом, совершенно достаточным для маленькой России, в начале восемнадцатого века; теперь же время его проходит. И, чтобы бороться с этим роковым ходом событий, государство должно жертвовать миллионы... на ледокол, жертвовать для того, чтобы Петербург остался главным северным портом, “рассудку вопреки, наперекор стихиям”... <...> Трудно понять, почему надо тратить деньги на ледоколы, а не на усовершенствование... гаваней и улучшение их портовых сооружений. <...> ... все это слишком просто, и поэтому ждать придется долго. Вот, если начать крошить целую зиму лед по Финскому заливу, – это другое дело: это – чудо, которое опять откроет знаменитое Петровское окно в Европу...» [19].

Петербург находится на рубеже торгового движения, которое начинается в отдаленных областях нашего отечества и направляется в заморские страны, к главным центрам международной торговли... в этом отношении на очереди стоит весьма важный для нашего порта вопрос о соединении его с хлебобродными восточными губерниями и *великим сибирским путем магистралью Петербург – Вятка*. <...> В царственных заботах своих о преуспевании торговли *нашему возлюбленному Монарху* угодно было обратить внимание на затруднения, создаваемые для нашего порта кратковременностью навигации. Благодаря отзывчивости и живой энергии *вашего высокопревосходительства*... Государева воля получила быстрое осуществление, и *гигант-ледокол “Ермак”* *через ледяной покров* прибыл из Англии в Кронштадт, *разрушив естественные преграды, бывшие доселе непреодолимыми* [20]¹.

С другой стороны, в русле «народной» риторики строительство ледокола освещалось в газетах как достижение *русского национального характера*. В этом случае в печати могли акцентироваться не столько модернизационное значение «Ермака» и мотив борьбы с природой, сколько органическая связь национальных качеств русских людей с могуществом изобретенного ими корабля, а также *мотив освобождения*. Так, например, при описании торжественной встречи ледокола в Кронштадте 4 марта 1899 г. в газетах был подчеркнут общенародный масштаб события: «судно окружила масса народа. Вместе с этим народом, который и шел густою цепью, и бежал, и ехал на извозчиках и чухнах, “Ермак” и вошел в Кронштадт... На крышах морского телеграфа, обсерватории, таможни – везде зрители» [22]. Картина подхода «Ермака» к Кронштадту изображалась так: «И вот, *как перышки разбрасывая глыбы льда*, “Ермак” величественно подошел к Кронштадту. Очевидцы говорят, что картина в ясный солнечный день была прямо *феерическою*...» [18]². В «Санкт-Петербургских ведомостях» 4 апреля 1899 г. заметка *Ив. Камчатского (! – Я.Б.)* начиналась следующими словами: «Сегодня днем на Неве появится небывалый гость

¹ Ср. с приветственным словом к С.О. Макарову городского головы П.И. Лебянова: «Ваше детище, ледокол “Ермак”, в короткое время успело показать нам, что *перед смелой мыслью, перед знанием, перед волей человека* *безсильна могучая сила природы*» [21].

² См. также: «Еще далеко за Кронштадтом на льду стояли *тысячные толпы народа*, приветствовавшие появление ледокола дружным “ура!”» [17].

и на этот раз не заморский, а свой – *русский, созданный русским умом (жаль только, что не русскими руками), – отвечающий нашей природе, такой же как она могучий*, производящий неизгладимое впечатление» [23]. Корреспондент газеты «Московские ведомости» сопоставил дату поднятия на «Ермаке» коммерческого российского флага с датой подписания манифеста об отмене крепостного права:

Как 38 лет тому назад 19-е февраля *освободило от оков рабства* 30 миллионов крестьян, так 19-е февраля 1899 года имеет *освободить русские приморские порты ото льда*, оковывающего их в течение зимних месяцев на полное бездействие и обрекающих их на зимнюю спячку [13]¹.

Переплетение двух линий риторики – «имперской», ставящей прогресс государства в заслугу власти, и «народной», выводящей на передний план качества русского национального характера, – отразилось и в текстах об истории «Ермака», созданных уже в советский период истории. Здесь важно обратить внимание на то, как ледокол «Ермак», будучи изобретением Российской империи, встраивался в советскую культуру. Так, например, в первом издании Большой советской энциклопедии (1932) авторы, очевидно, стремясь умолчать о связи корабля со старой Россией, обозначали его как «первый в мире ледокол большого размера, построенный в 1898 в Англии» [24. Стб. 532]. Однако уже во втором издании энциклопедии (1953) «Ермак» не только оказался единственным ледоколом, которому посвящена отдельная статья, но и был увязан исключительно с советским флотом («старейший линейный ледокол арктического флота СССР» [25]), а также на уровне имени ассоциирован с советским вождем: «удачный замысел и конструктивные решения, найденные при постройке ледокола, использовались в проектировании и строительстве советских ледоколов, в т.ч. ... типа флагманского ледокола «И. Сталин»» [25].

История постройки ледокола предстает как героическая борьба смелого и инициативного адмирала (по ключевым качествам – *советского* человека) со строящим козни царским правительством, мешающим прогрессу русского народа:

¹ Статья завершается замечанием, что осуществление проекта С.О. Макарова «не только открывает широкие перспективы для русской торговли, но и делает великую честь русскому имени, русскому уму и русской предприимчивости. Русским людям – русское спасибо» [13].

Глубоко проникнуть в мало изведанные морские просторы Севера и изучить их... такова была заветная мечта *адмирала и ученого, горячего русского патриота* Степана Осиповича Макарова. Но воплотить в жизнь свои благородные замыслы Макарову не удалось: *мешало царское самодержавие, весь его строй*, вся экономическая отсталость страны. *Лишь советская власть, пламенные советские патриоты*, благодаря социалистическому строю, под мудрым руководством партии Ленина – Сталина, оказались в состоянии... освоить Великий Северный морской путь, начертанный нашим гениальным вождем И.В. Сталиным [26. С. 3].

Проект освоения Северного морского пути¹ исторически связан с модернизационными инициативами Петра I, с процессами империи и нацистроительства. Неслучайно поэтому в советской (а затем и в современной российской) научно-популярной литературе о ледоколе «Ермак» часто упоминалась его историческая связь с первыми петровскими судами, боровшимися со льдом:

Зимой 1710 года при осаде Выборга *Петр I осуществил блестящую ледовую операцию*. Он провел через лед из Петербурга к Выборгу 270 кораблей... В критический момент Петр I приказал использовать в качестве ледокола фрегаты типа “Думкрат”. Их наклонные штевни, округлые борта и прочные корпуса облегчали преодоление льда. Команды дробили лед, сбрасывая на него пушки, которые затем вновь поднимали на канатах [8. С. 7]².

В советском нарративе переход от раннесоветского умолчания к усилению значимости ледокола был связан не только с изменением политического курса от радикал-революционного «отрицания» к сталинскому утверждению всего национального, но и с развернувшейся с середины 1930-х гг. масштабной кампанией географического и культурного освоения Арктики и Северного морского пути, спровоцировавшей рождение в советской культуре так называемого арктического мифа³.

¹ Классическими трудами в этой теме считаются: [27, 28]. Из числа последних работ, анализирующих современный русский арктический дискурс и принципиальную роль Северного морского пути, можно назвать коллективную монографию «Северные морские пути России» [29].

² См. также: [30. С. 53; 31. С. 4].

³ Составляющими этого мифа были, в частности, два сложно сочетающихся друг с другом компонента. С одной стороны, СССР, как показала С. Франк, создавал образ «теплой» Арктики, т.е. места пригодного и даже благоприятного для

Таким образом, в нарративе, сложившемся вокруг ледокола «Ермак» с конца XIX до середины XX в., можно выделить две оптики, два уровня. Для первого, условно обозначенного нами «имперским», характерно подчеркивание доминирующей позиции монарха/власти, пафос модернизации, прогресса, прорыва. Второму – «народному» – присущ акцент на национальном характере и народном духе, пафос освобождения. Обе эти стратегии описания ледокола «Ермак» обусловлены сложившимся в русской культуре двойственным восприятием самого покорителя Сибири. Так, в официальной перспективе казачий атаман привлекателен своим стремлением искупить вину перед царем и вернуть себе легитимность в глазах общества и власти; в этом ключе завоевание Сибири понималось как подвиг во имя славы и царя. Однако для «демократической» аудитории текстов о Ермаке на переднем плане оказывается мотив свободы, поиск казаками «вольной воли», за которой они идут вопреки монарху.

В следующей части статьи мы обратимся к вопросу о том, каким образом технический прогресс конца XIX – начала XX в., прежде всего – постройка первого арктического ледокола «Ермак», развитие российского ледокольного флота и советское освоение Арктики, повлиял на художественные обработки «Ермакова сюжета». Наглядным маркером в решении этого вопроса представляется трансформация семантики и функций мотива льда в художественных текстах о Ермаке XIX–XX вв.

жизни. С другой – в соответствии с тенденциями антиглобализма и нациестроительства, подчеркивалось, что подчинить арктический хаос способны только советские люди. См.: [32–36]. См. также речь И.Д. Папанина на XVIII съезде ВКП(б), в которой полярник сравнил Советский Союз с ледоколом, на котором Сталин является капитаном: «Советский Союз, как могучий ледокол, идет через все штормы и бури истории. Он идет вперед, никуда не сворачивая, прямым курсом к заветной цели многих поколений человечества – к коммунизму. Капитан нашей могучей страны – товарищ Сталин» [37. С. 330–334]. Этот риторический прием, очевидно, является приспособлением к арктическому хронотопу клише «великий кормчий» – тоже мореплавателя по своему происхождению.

Приступать к анализу интересующего нас мотива необходимо с учетом мифопоэтической и сюжетной связи героя с водной стихией. Эта связь прослеживается и на уровне поэтики имени. Так, вскоре после постройки ледокола «Ермак» появилось историческое исследование Е.П. Савельева «Кто был Ермак и его сподвижники» (1904), посвященное открытию памятника Ермаку в Новочеркасске. В этой книге автор предложил редкую, если не уникальную версию семантики имени казачьего атамана, связанную с мотивом воды: «На турецком языке именем *Ирмак* называется *бьющий стремительный источник*, ключ (река Кизил-Ирмак – стремительно бьющий красный ключ), а на татарском глагол *ярмак* означает *рассекать, разрубать, раскалывать*» [38. С. 39–40]. Выдвинутая историком гипотеза о тюркском происхождении имени Ермака привносит в его образ черты, напоминающие функцию ледокола.

Вода в сюжете о Ермаке появляется как минимум в трех вариантах: как место гибели казачьего атамана; как многочисленные речные пути, по которым шло продвижение казаков в Сибирь; как смерзшийся в реках лед, преграда на пути. Наиболее пристальное внимание в фольклорных и художественных обработках сюжета уделялось первому аспекту. Эпизод смерти Ермака в воде, по замечанию М.Б. Плюхановой, оказал влияние, с одной стороны, на развитие фольклорного цикла о С. Разине и Е. Пугачеве, с другой – на появление в народном творчестве сюжета о гибели Петра I в реке Смородине, не имеющего никакой связи с историческими фактами [39]¹. После появления в 1821 г. думы К.Ф. Рыльева «Смерть Ермака» сцена гибели героя в Иртыше стала метонимическим указателем на весь «Ермаков сюжет». Бесследное исчезновение героя в воде можно считать точкой отсчета в традиции воспроизведений двух других «водных» аспектов в истории покорения Сибири. Представляется, однако, что акцент на них –

¹ «Парность» Ермака и Петра I в русской культуре заметил также исследователь русской массовой литературы XIX в. Дж. Брукс. Он показал, что двумя самыми популярными героями лубочных романов и повестей второй половины XIX в. стали именно Ермак и Петр I: «Когда авторы литературы для народа восхваляли царя как образец политической власти, они выбирали Петра Великого. Когда они писали о славе империи, они воспевали Ермака» [40. Р. 38].

не столько след зависимости интересующих нас источников от фольклора или более ранней художественной словесности, сколько соблюдение негласного «договора» с новой читающей публикой, продуктом Великих реформ второй половины XIX в.

Характерный для сюжета о Ермаке мотив льда / скованной льдом реки появляется в Строгановской летописи¹, сочинении первой половины XVII в., откуда впоследствии попадает в «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина. Этот мотив возникает в решающий момент сюжета, когда казаки, засев в городке мурзы Атика перед битвой на Чувашевом мысу, собирают круг, чтобы принять решение: идти дальше или повернуть назад. Призывая казаков продолжить путь, Ермак произносит вдохновляющую речь, одним из рациональных аргументов которой является напоминание о наступлении поздней осени и смерзающемся на реках льде, грозящем казакам смертью: «О, братия наша единомысленная, камо нам бежати, уже осени достигши, и в реках лед смерзается...» [41. С. 22]².

В литературных обработках «Ермакова сюжета» XIX–XX вв. мотив льда появляется нерегулярно, однако всякий раз становится значимым элементом сюжета. При этом читавшееся в летописи предостережение Ермака, обращенное к казакам и относившееся к губительным свойствам льда, сменяется мотивами все более активного подчинения природы. Например, передавая сомнения казаков перед битвой на Чувашевом мысу, некоторые создатели новой словесности «для народа» вкладывают довод Ермака о «смерзающихся льдом реках» в уста «трусливых казаков», призывающих повернуть назад, или вовсе его опускают, выводя во вдохновляющем монологе атамана на передний план апелляцию к вере в Бога и славе Руси. Тем самым

¹ В Есиповской и Ремезовской летописях мотив льда также присутствует, но увязывается не с образом Ермака, а с фигурой воеводы Ивана Мансурова, пришедшего в Сибирь после гибели атамана: «...воевода, не приста ко берегу, но плыша вниз по Иртишу, доплыша до великой Оби. Бебо тогда осень, и лед в реках смерзается; Иван же Мансуров виде, яко наставаше зима, и повелепоставити городок над рекою Обью против иртишшского устья, и сяде в нем и с воинскими людьми, и тако озимевше» [41. С. 151].

² Ср. у Н.М. Карамзина: «Нет, братья: нам путь только вперед! Уже реки покрываются льдом: обратив тыл, замерзнем в глубоких снегах» [42. С. 386].

устраняется малейшее подозрение, что Ермак мог бояться. Так происходит в историческом рассказе для детей П.И. Небольсина «Ермак» (1849): «— Да, батюшка наш, Ермак Тимофеевич... <...> Нынче и осень в исходе, и снег уж идет, и зима на дворе, и *река скоро станет: на лодке тогда никуда не пробраться!* <...> Бежим: нам своя жизнь дороже! <...> Ах, вы *трусы* негодные! Ах, вы *нехристь* проклятая!! <...> Нам ли *Русь обесславить* так?!» [43. Ч. 2. С. 46–49]. В книге М.Н. Парунова «Ермак покоритель Сибири» (1874) в этом месте сюжета читаем: «Тогда Ермак сказал: “нет, братья, нам путь только вперед! ...Долго мы жили с *худою славою*, умрем же с доброю! *Бог даст победу*, кому хочет...”» [44. С. 22–23].

В результате предпринятых нами разысканий можно представить перечень художественных сочинений XIX–XX вв. о Ермаке, в которых мотив льда является значимым элементом сюжета: баллада А.Н. Муравьева «Ермак» (1827), поэма К.Н. Калачева «Ермак, покоритель Сибирского царства» (1884), детские рассказ и повесть В.А. Радича «Ермак» (1908) и Т.С. Грица «Ермак» (1941), исторические романы П.П. Свинына «Ермак, или Покорение Сибири» (1834), Е. Николаевой «От плахи – к почести» (1891), анонимное произведение «Казачий атаман Ермак Тимофеевич, или Покорение Сибирского царства» (1899), Н.Э. Гейнце «Ермак Тимофеевич» (1900), Л.А. Чарской «Грозная дружина» (1909), А. Веселого «Гуляй, Волга» (1932), В.А. Сафонова «Конец Кучумова царства» (1945) и Е.А. Фёдорова «Ермак» (1955). Уже по этому перечню можно заметить, что именно с конца XIX в. (время постройки ледокола «Ермак») мотив льда начинает акцентироваться в литературных обработках «Ермакова сюжета» со все нарастающей интенсивностью.

В отличие от Строгановской летописи, в большинстве зафиксированных нами случаев художественного осмысления покорения Сибири мотив льда переносится писателями от эпизода, предвещающего решающую битву за Сибирь, к началу похода, к первой зимовке казаков в походе. Зима, холод и лед в этом эпизоде явным образом символизируют границу, вход в Сибирь, а наступление весны, тепла и таяние льда означают открытие этой границы. Лед в данном случае оказывается «щитом», который всякий раз связывается с проблемами времени, памяти и истории, а Ермак с дружиной, подобно ледоколу, этот «щит» пробивают.

При этом все выделенные произведения можно разделить на три группы, в которых прослеживается корреляция, с одной стороны, между внутритекстовой семантикой и функциями мотива льда, с другой – вне-текстовой реальностью – этапами развития ледокольного флота России/СССР. Рассмотрим последовательно каждую из трех групп.

К *первой группе* относятся те произведения, в которых лед проявляет в первую очередь свои «консервирующие», обездвиживающие функции, т.е. исподволь указывает на прошлое, которое проникает в настоящее. Ермак с казаками буквально вырываются из древности, дикости, беспамятства и открывают историческое время Сибири. Главенствовать в этих текстах начинает *коммеморативная установка*: повествователь фиксирует следы присутствия Ермака в настоящем, создает подвигам Ермака словесный памятник. Хронологически в эту группу входят сочинения, создаваемые вплоть до конца XIX в. и пришедшиеся на период создания пантеона национальных героев, в число которых включался и Ермак (ср. с обозначенной нами «имперской» риторикой, сложившейся вокруг ледокола «Ермак»).

Произведением, запустившим описанный комплекс значений, является баллада А.Н. Муравьева «Ермак» (1827). В произведении покрытые льдом воды Иртыша оказываются могилой, из которой, проламывая лед, появляется живой мертвец Ермак:

Остяк

<...>

Чу! слышишь треск? –

Путник

Лед проломался

И затрещал. –

<...>

Остяк

Что говоришь? Взгляни: *поднялся*

Из-подо льда живой мертвец! [45. С. 128].

Анализируя жанровую поэтику баллады Муравьева, Е.Е. Анисимова заметила, что для непросвещенного аборигена призрак Ермака оказывается источником страха перед «вторжением большой истории

в привычное для него природно-мифологическое время-пространство» [46. С. 96]¹. Неслучайно «беспамятливый» остяк в начале своего рассказа «о грозном мертвеце» [45. С. 126] не может вспомнить имя Ермака («Его мудреное название / Я прежде помнил, но забыл; И нам ли знать о том, что было?» [45. С. 127]), но вспоминает, испытывая смертельный страх перед призраком («Мне страх напомнил имя!» [45. С. 129]²). В носителе культуры и исторического сознания, европейском путешественнике, страх вызывает сибирская природа: снег, засыпавший путь («Моей стези не видно боле, / Ее занес пушистый снег» [45. С. 125]), холод и лед («Я весь продрог, – мои ресницы / Одною льдиною срослись» [45. С. 125]). Преодолеть страх путнику помогает акт риторического превращения сибирской природы в культурное «место памяти» (П. Нора). Сибирь становится памятником национальному герою:

Тебя ль, *герой*,
Иртыш залил неумолимый?
И погребальной волной
Великого покрылась *сила*.
Утешься, *грозный богатырь*!
Пускай Иртыш – *твоя могила*,
Надгробный памятник – Сибирь! [45. С. 129].

В историческом романе П.П. Свиньина «Ермак, или Покорение Сибири» (1834) балладный след обнаруживается в судьбах двойников Ермака: атаманов Владимира Грозы и Ивана Кольцо. В результате беллетризации исторического сюжета оба приближенных к Ермаку казака переживают в романе ритуальную смерть, т.е. символически умирают и возрождаются в новом качестве. Так, мнимая смерть

¹ Интересно, что в контексте рассказа остяка о Ермаке один из факторов смерти атамана – его железная броня – репрезентируется как источник не только чуждости, инаковости, но и бессмертия, неуязвимости: «Их вождь был скован из *железа*, / И нашей смерти чужд он был!» [45. С. 128].

² Ермак в данном случае становится персонажем, открывшим историческое время Сибири. См. то же, например, в советской детской повести Н.Г. Никонова «Ермак»: «Четыре столетия отделяют сегодняшнюю Сибирь от тех начальных времен, которые *открыли ее историю*. Но не меркнет, лишь становится сказочным имя человека, отважно проложившего к ней *дорогу*» [47. С. 47].

Грозы, с одной стороны, переводит героя в новый социальный статус (превращает князя Владимира Ситского в казачьего атамана), а с другой – инициирует переход казаков из первобытности и природного бытия к истории и государственности. Раненого в Раздорах Грозу приносят в *пещеру*¹, где казаки Ермака скрываются от войска Ивана Грозного. Пещера напоминает чудо природы, неприступное убежище, «окруженн[ое] со всех сторон дремучим лесом и кучами безобразных камней, между которыми пролегал к нему самая узкая лазейка» [49. Ч. 1. С. 92]. По ошибке Грозу хоронят заживо, а затем его излечивает остяцкий шаман Уркунду². Финальной частью шаманского ритуала становится окропление Грозы *холодной водой*: «кудесник поднялся на ноги и, подойдя к больному, стал дуть на него и брызгать холодной водой, которую черпал из близстоящего сосуда своим барабаном» [49. Ч. 1. С. 124]. Во время болезни Гроза, во-первых, начинает выступать в роли названного сына Ермака, а, во-вторых, перед смертью советует казачьему атаману с ватагой искать пристанища в Перми, у Строгановых. Именно в пещере Ермак принимает судьбоносное решение «примириться с Богом и с Русью» [49. Ч. 1. С. 134].

¹ Сюжет о зимовке отряда Ермака в пещере получил распространение в народных повествованиях. В уральских легендах о Ермаке существует несколько версий местонахождения этой пещеры: на Волге или на одном из притоков Чусовой. В том числе вариантом места зимовки Ермака является достопримечательность Предуралья – Кунгурская *Ледяная пещера*. Подробнее о сопровождающих эпизод «пещерной» зимовки Ермака мотивах спрятанного там клада / могилы умершей в походе жены Ермака / пристанища духа самого Ермака / труднодоступности пещеры и других см.: [48. С. 58–82, 110–115].

² Появление шамана описано в мистическом и устрашающем духе, в его образе подчеркиваются нечеловеческие – звериные, демонические, потусторонние – мотивы в образе Сибири: «*Чудовище в человеческом образе, как будто выходящее из дыма <...> Султан, подбежавший к привидению с остервенением ...переменил свою злобу на самое нежное изъяснение восторга <...> шаман стоял перед атаманами в какой-то дикой бесчувственности, и... можно бы было признать его скорее за истукана, чем за живое существо*; подобно тому, странность одяния при *зверском безобразии его лица*, уподобляли его более *жителю преисподней, нежели человеку*. Черные всклокоченные волосы щетиной торчали из-под его шапки, похожей на шишак, на которой гребнем развевались *совиные крылья*, а украшения состояли из *змей, ящериц и жаб*, привешенных вокруг» [49. Ч. 1. С. 116–119].

Казак, отказываясь от разбойничьей, антигосударственной судьбы, одновременно перестают быть и «пещерными людьми».

В центре другого эпизода в романе Свинына оказывается Иван Кольцо. По пути к больному, находящемуся у аборигенов Грозе, Кольцо с казаками и остяцким князем Боаром попадают в снежную бурю и оказываются вынуждены, подобно аборигенам, схорониться под снег:

...остяки принялись копать в снегу глубокие ямы и ложились в них по двое, стараясь покрыть себя как можно толще снегом. Казакам сколь ни не хотелось *погребстись заживо во временных сих могилах, но не оставалось другого средства к спасению*, ибо буран, казалось, привел все стихии в ожесточение [49. Ч. 3. С. 85].

Символическая смерть под «сибирскими пуховиками» позволяет преодолеть культурные и социальные границы между казаками и остяками. Холод и снег как климатические особенности Сибири выступают здесь одновременно и как источник смерти и спасения.

Эксплицитно выраженная в балладе Муравьева тема исторической памяти выходит в романе Свинына на передний план благодаря избранному писателем жанру и позиции нарратора. Представляясь автором исторических романов, повествователь часто отступает от изложения событий Ермакова похода и напрямую обращается к читателю. В числе тем его рассуждений важное место занимает подспудно проводимое различие исторического и неисторического времени, исторических и неисторических народов. Ключевым фактором разграничения оказывается не столько высокий уровень развития наук и просвещения, сколько наличие фигуры историка или романиста, который мог бы изложить деяния предков и современников на понятном для потомков языке, т.е. передать память:

...таков закон природы: ...*все произведенное рукою смертного, как бы оно огромно, великолепно ни было, дряхлеет, исчезает с лица земли, превращается в тлен, в ничтожество, подобно самому творцу оно!* Одно имя, одна слава переживают бытие человека и его творения. Посмотрите, едва кучи камней и колючие тернии указывают теперь страннику о существовании Танаиса, Ольвии, Болгар, а история их перейдет в позднейшие потомства! [49. Ч. 2. С. 2–3].

В то же время повествователь невольно сопоставляет практику создания художественных сочинений с палеонтологией, процессом воссоздания по останкам и иным природным следам картины доселе «немой» доисторической жизни. Здесь примечателен эпизод романа, когда Иван Кольцо едет в остяцкое селение к атаману Грозе и, по поручению Ермака исследуя уклад жизни аборигенов, замечает на утесе речного берега древние письмена:

Кольцо... даже обратил внимание на утес, возвышавшийся против их аула на берегу реки в виде гладкой стены, исписанной красными буквами¹. Никто не умел объяснить ему значение сих письмен, только один Уркунду сказал, что это сделано не ими и не татарами, а народом, задолго до них жившим, питавшимся серебром и золотом, которое выкапывали они из земли, как они теперь копают орехи и корни [49. Ч. 3. С. 94–95].

Носителем памяти о легендарных временах и людях оказывается здесь, во-первых, природа, труднодоступный для человека каменный утес, во-вторых, остяцкий шаман, представитель непросвещенных народов – единственный, кто может рассказать казакам об авторстве письмен. Однако «заговорить» эти письмена могут только через современного повествователя, который в примечаниях, расшифровывая мысли остяцкого шамана для читателя, комментирует:

Нет сомнения, что Уркунду разумел копи, известные в Сибири под именем Чудских, которые... доказывают существование там некогда народа просвещенного и любознательного... Очень вероятно, что этот трудолюбивый народ оставил по себе и сии надписи, высеченные или нарисованные красной краской на недостижимых вершинах гранитных берегов сибирских рек. Они... имеют величайшее сходство с подобными памятниками, открытыми в противоположных концах Северной и Южной Америки, и также никем не разгаданные! Если мы убеждаемся беспрерывными открытиями в существовании неизвестных животных, исчезнувших с лица земли, то почему не допустить, что были и народы, непричастные истории. Мир старше кажется, чем мы полагаем [49. Ч. 3. С. 95–96].

Здесь налицо след распространенного мифа о гипербореях: Сибирь предстает утопическим краем, в древние времена населенным

¹ В.В. Блажес отметил, что народные предания часто приписывали их авторство самому Ермаку [48. С. 115].

просвещенным народом. Казаки же оказываются теми, кто возвращает «золотой век», тем самым выполняя национальные задачи¹. Поэтому мотив льда в романе Свинына связан уже не только с проблемой исторической памяти, но и с авантюрно-героическим и модернизационным мотивом преодоления природных преград. Повествователь часто подчеркивает основные качества Ермака – «присутствие духа, предприимчивость и разум» [49. Ч. 3. С. 81]². После зимовки на реке Кокуй Ермак задумывает приспособить сибирский климат под цели похода и волоком перетащить струги в сибирские реки по льду. Собственно препятствием здесь оказывается не сам лед, а ландшафт, отсуствие сообщения между реками:

Благотворения сибирской весны начинаются настом, коим покрываются пухлые снега, как *крепкой корой*, от действия мартовского солнца. *Кора* сия под конец весны *столь тверда, что в состоянии подымать не только человека или лошадь, но самые большие тяжести*. Это не укрылось от прозорливости Ермака Тимофеевича: он *хотел воспользоваться сим удобством*, чтобы перетащить в черные реки, через хребет Урала, тяжелые свои ладьи [49. Ч. 3. С. 71–72].

Лед здесь парадоксально представлен не как зимнее, враждебное казакам, но как благоприятное весеннее, солнечное явление. Несмотря на то, что роковым образом наступившая аномально рано весна препятствует подвигу и казакам приходится строить новые струги на Журавле, следы «дерзкого предприятия», подобно надписям древних народов, сохраняются в сибирской природе:

...днища нескольких судов, оставленных казаками на дороге между Серебрянкой и Баранией, представляются то висящими на неприступных

¹ «...нужна только добрая воля и – пустынная Башкирия сделается в несколько лет населеннейшей областью царства Русского, и *изо всех краев света к подошве Каменного Пояса самые просвещенные люди, переселятся искусства и науки*. <...> Преобразователь России (Петр I. – Я.Б.), обратив ее от Востока к Западу, дабы переселить просвещение Европы, всегда имел в виду Азию» [49. Ч. 1. С. 155–156].

² Кроме того, действие речей атамана сравнивается с электричеством: «голос его ...возбуждавший в витязях новые силы, передававший им, как электричеством, новую бодрость, новое пламя, оживлявший самых раненых новой жизнью» [49. Ч. 4. С. 137].

утесах, то едва выказывающими из глубины пропастей вершины вековых
лиственниц и елей, выросших на их сгнивших остовах! [49. Ч. 3. С. 73].

Похожий эпизод встречаем в поэме К.Н. Калачева «Ермак, покоритель Сибирского царства», опубликованной в Новочеркасске в 1884 г., в период празднования трехсотлетия присоединения Сибири к России¹. Обстоятельства публикации, личность автора (выходца из оренбургского казачества) и жанр обусловили повествовательную установку произведения, направленную на воспевание казачьих подвигов². Поэтому в эпизодах, где появляются описания сибирской природы, акцент с мотива ее покорения смещается в сторону сохранения памяти о походе Ермака. Так, в сцене перетаскивания казаками стругов по волоку из Серебрянки в Жаровлю, след стругов, первый путь в Сибирь изображается рассказчиком как «природный памятник» вечному подвигу Ермака:

Как уверяют, виден след	До них, но видно с сожаленьем:
Стругов тяжелых тех до ныне <...>	Останки бранные судов
И видит путник одинокий	Живут уж боле трех веков!
В глухой пустыне и далекой	<...>
Те исполинские гробы!	При жизни краткой, скоротечной
Рука времен коснулась тленьем	Воздвигнул памятник он вечный
Себе в пустыне той глухой,	
И неподдельный, и живой,	Где он потратил массу сил,
Природой созданный самой!	Переходя леса и горы,
<...>	К чему коснулась лишь рука, –
Где он прошел, на что ступил,	Все носит имя «Ермака»!
На что лишь только бросил взоры,	[50. С. 126–128].

Мотив снега, холода и льда в поэме Калачева, как и в балладе Муравьева, связан с лиминальной семантикой, с мотивом страха перед чужим миром³. Лед появляется в произведении при подходе Ермака к

¹ Доступные в архивах РГБ (г. Москва) и РНБ (г. Санкт-Петербург) издания поэмы содержат лишь начальный фрагмент произведения. Предположительно, из нескольких запланированных выпусков реализован был только первый.

² Соответствует этому и образ рассказчика, который уже в прологе поэмы называет Сибирь мавзолеем, могилой Ермака и его дружины: «Хочу я петь про удалцов – <...> / Про Ермака, его друзей, / Его сподвижников великих, / Себе воздвигших мавзоль / Среди пустынь Сибирских диких!» [50. С. 1].

³ Так, например, нашествие татар, остяков и вогулов на Пермские земли сравнивается с природными стихиями: «Как грозный снеговой обвал, / Иль как весною водополье» [50. С. 12].

границе Сибири. Именно дикость, пустота, «необъятнейшая ширь глухой, неведомой пустыни» становятся первым препятствием для казаков, вселяют ужас в Ермака и дружину, останавливают их в пути:

Ведет Ермак свою дружину;
Но *страшный холод* настает.
Ведет ее он на *чужбину*;
Но *реки сковывает лед!* <...>
Состав героя богатырский
Пустынный край поколебал;
Достигши *границ* здесь Сибирской,
Он с *ужасом* вокруг взирал! [50. С. 107–108].

Если источником страха является для казаков природа, то способом его преодоления оказывается захват власти над живущими в ней народами. Так, дружина Ермака, заполняя пустынное пространство чужбины, строит для зимовки Кокуй-город (случайно или нет, но его название почти омонимично Немецкой слободе XVII в., Кукую, месту, где юный Петр познакомился с европейскими нравами), ограждает себя от «пурги суровой». За этим следуют, во-первых, победы Ермака над местными народами, одержанные при помощи пищалей (огнестрельное оружие – знак цивилизации): «...Стрелки / На всех тут ужас наводили, / Когда кочевья *дикарей* / С своим оружием проходили / И их громили как *зверей!*...» [50. С. 111]. Во-вторых, казачий атаман начинает изучать коренных жителей («И полудикие их нравы / С большой охотой изучал...»)¹ [50. С. 111]. Первые испытания завершаются с наступлением весны:

Река, сломав кристальный лед,
В даль непроглядную несет,
Шумит, бушует и ревет... [50. С. 112].

Ермак с дружиной собираются продолжить поход, но перед этим, запечатляя свое присутствие, строят на горе часовню в честь Николая

¹ Ср. в «Кавказском пленнике» А.С. Пушкина: «Но европейца все вниманье / Народ сей чудный привлекал. / Меж горцев пленник наблюдал / Их веру, нравы, воспитанье!» [51. С. 99].

Чудотворца. Важно, что с наступлением весны, после страшной зимовки природа в поэме заметно меняется: Сибирь «теплеет»¹, оказывается изобильным, приветливым краем. Более того, она получает «голос»: в четвертой части поэмы звучит диалог между реками – Тоболом и Иртышом. Первый просит старшего брата принять «гостей... с волжских берегов», идущих «между племен... мятежных воцарить мир» [50. С. 136–137], но «непреклонный», «суровый», «гордый» Иртыш отвечает отказом, очевидно, предвещая финал поэмы.

В историческом романе Е. Николаевой «От плахи – к почести» (1891) присутствует уникальная, связанная с ледяными мотивами, сцена. Плывая по реке Чусовой в конце мая, казаки садятся на мель, «словно бы река уже встала» [52. С. 345]. Непреодолимой преградой оказывается обнаруженный под днищем струга чудовищный древний остов, с которым атаман отправляет Богдана Брязгу к Строгановым, чтобы передать его ученым, знающим людям. У Строгановых секрет чудища рассказывает пермский старик Дмитрий Сафронович Овчинин²:

Это обломки станового хребта мамонта. В далекие времена, такие далекие, когда человек еще сам жил как зверь и боролся с зверями, как с равными себе; когда не было ни царей, ни господ, ни слуг, мать природа торопилась устроить порядок и, как спешливая хозяйка, металась из стороны в сторону. Люди называют то время «эротической», то есть блуждающей эпохой. Ветры свирепые гнали огромные льдины с Севера на Юг... все погибало в этой бешеной сумятице «ледяного века» и осело там, где

¹ Как и в романе П.П. Свиньиной, в поэме появляются упоминания гипербореев, а Уральские горы несколько раз называются Рифейскими.

² Загадочный старик некоторыми чертами напоминает историка времен Петра I В.Н. Татищева. Так, Овчинин изображен в романе обитателем строгановских земель и Перми (анакронизм): «Это был веселый, крепкий старик, с детства служивший приказчиком в одном английском торговом доме, объездивший всю Европу, много читавший, учившийся. Неужившись с московскими порядками, Овчинин уехал в Пермь, выстроил там себе дом на европейский лад и начал жить уединенно, обложившись иностранными книгами...» [52. С. 370]. Деятельность Татищева в 1720-х гг. тоже была связана с устройством горных заводов на Урале, и именно Татищев считается основателем Перми в 1723 г. Более того, Татищев считается одним из первых русских палеонтологов и первым в мире автором сочинения о мамонте – статьи «Сказание о звере мамонте» (1725). Следы мамонта Татищев искал, в числе прочего, в Кунгурской ледяной пещере.

течение было медленнее. Осадки илов и песков, как более слабые, дали место руслам рек, обмывших своим течением костяные и древесные осадки и последние, как более твердые, вышли наружу. <...> *Когда глыбы льда напирали друг на друга, бешено стремились вперед, с шумом и треском, чудовищный великан, мамонт, безстрашно пробирался по ним и часто эти глыбы, огромные, как ледяные горы, сминали его под себя, разрезали его толстую шкуру, ломали его крепкие кости* [52. С. 371–372].

Доисторический мамонт оказывается словно древним предком Ермака: оба они прокладывают путь в суровом, холодном климате и оба оказываются похоронены, «сохранены» в сибирских реках.

Ко *второй группе* относятся те тексты о Ермаке с присутствующим с них мотивом льда, в которых коммеморативная установка сменяется на *модернизационную* (или дополняется ей). Хронологически эту группу составляют дореволюционные тексты о покорении Сибири, созданные уже после постройки ледокола «Ермак». Лед в этих произведениях оказывается пробиваемой Ермаком преградой на пути к будущему, которое ассоциируется со свободой (ср. с пафосом освобождения в «народной» риторике ледокольного нарратива). При этом страх и беспомощность казаков перед льдом сменяется уверенностью и активностью в деле его преодоления. В этом смысле эквивалентным льду мотивом в сюжете о Ермаке можно считать мотив железа, который, во-первых, появляется в известной сцене, когда татары протягивают поперек реки железную цепь, мешающую казачьим стругам продвигаться дальше, и, во-вторых, является важнейшей деталью в эпизоде смерти Ермака, утонувшего, как часто акцентируется, под тяжестью железной брони, подаренной атаману царем.

Переходным от первой группы текстов ко второй можно считать роман популярного в низовой читательской среде конца XIX в. писателя Н.Э. Гейнце «Ермак Тимофеевич» (1900). Сибирь на протяжении всего повествования изображается как антипространство: враждебная, опасная земля, населенная нечистью, людьми в звериных шкурах. Природа Сибири тоже ведет себя «наоборот»: там лежит снег, но деревья остаются зелеными, «половодье на реках... бывает перед их замерзанием, а не перед вскрытием, как в реках центральной России» [53. С. 398–399], пещера, где казаки останавливаются на зимовку, похожа на княжеские хоромы, но живут в ней медведи.

Сковавший реку лед, мешающий дружине Ермака идти дальше, изображается автором как «ледяные оковы»: останавливаются казаки, застывает жизнь, замедляется время («время тянулось мучительно медленно» [53. С. 454]). Положение меняет наступление весны, приход солнца и тепла, таяние льда, за которым следует освобождение вод реки и освобождение казаков из тюрьмы пещеры:

Солнце начало пригревать сильнее, и снега стали таять быстро. На Чусовой то и дело раздавался *треск* – это ломался лед. Голоса набирающей силу весны казались Ермаку Тимофеевичу... *вестью будущей свободы*. Но вот лед наконец прошел, и *Чусовая снова заревела* в своих крутых берегах [53. С. 455].

Лед и безвременье символически понимаются здесь как прошлое, древность, а приход весны, взлом льда и вхождение казаков в Сибирь ассоциируются с будущим. Однако в финале романа появляются следы первобытности, древности, которая тем не менее до сих пор не преодолена. Место гибели Ермака окружено подчеркнуто древними артефактами:

...Иртыш... течет... искусственным каналом, называемым ныне Ермаковой перекопью, но *вырытым, как надобно думать, в древнейшие времена*...

...к югу от реки... возвышается холм, насыпанный, *по преданию*, руками девичьими для царской палатки.

Между этими памятниками какого-то забытого века суждено было погибнуть завоевателю Сибири, погибнуть по своей оплошности, объясняемой, быть может, неодолимым действием рока [53. С. 545].

В финале романа установка повествователя преимущественно коммеморативна: «Волны Иртыша, поглотив его тело, не поглотили его славы: Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память. <...> В Сибири имя этого витязя живет и в названиях мест, и в преданиях изустных» [53. С. 547].

В анонимном историческом романе «Казачий атаман Ермак Тимофеевич, или Покорение Сибирского царства» (1899) мотив льда открывает актуальную для второй половины XIX в. тему строительства дорожных коммуникаций между отдаленными территориями государства. Смерзшаяся река ставит под угрозу пребывание казаков в Искере, поскольку препятствует продовольственному сообщению с русскими, «своими»:

На Каме жили русские, которые могли бы снабдить Ермака всем необходимым; но наступила зима, реки замерзли и *водное сообщение с Комой* (так. – Я.Б.) *было прекращено, а о другом сообщении тогда никто не мог даже и подумать* [54. С. 291].

Проводимое здесь различие между прошлым (повествуемым временем, XVI в.) и будущим (временем повествования, рубежом XIX–XX в.) указывает на модернизацию путей сообщения в XIX в. Очевидно, автор отсылает к Транссибирской железнодорожной магистрали (Великий Сибирский путь, 1891–1916), строительство которой приходилось на время публикации романа и сопровождалось активным обсуждением [55. С. 87–106].

Железная дорога упоминается и в историческом рассказе для детей В.А. Радича «Ермак» (1908), в завершающей повествование части. Восхваление памяти атамана сопровождается описанием продолжения его предприятия до настоящего, повествовательного времени:

Огромный богатейший край, куда русские люди пробирались ощупью, в потемках, опираясь только на свою нечеловеческую выносливость, *в наши дни уже связан рельсовым путем со всем образованным миром* [56. С. 40].

Мотив льда в рассказе Радича возникает в сцене зимовки, которую казаки устраивают прямо на берегу Чусовой: «мелкие суда были вытаснены на берег, а тяжелые барки *зазимовали во льду*» [56. С. 29]. Характеризуя зимовку казаков и поход в целом, Радич делает акцент не столько на хитрости и благоразумии Ермака, сколько на «*железной*» настойчивости и воле всей дружины. Продолжить путь казаки могут только с весенним ледоходом:

Зима в 1581 году была лютая и *мороз быстро сковал воды*. <...> марте выглянуло солнце. <...> Вскоре льды *посинели и вспухли*, а в апреле над пустынными берегами раздался *треск, грохот, и огромные льдины ринулись вниз по течению, натирая друг на друга и образуя временные заторы*.

Когда река очистилась от льда, Ермак снова двинулся вперед, руководствуясь не знаниями, а *исключительно отвагой*. <...> *Железная воля* гнала усталость и не давала опускать руки [56. С. 29–30].

В романе Л.А. Чарской «Грозная дружина» (1909) казаки выходят в поход 1 сентября 1581 г. и за два месяца до наступления зимы и замерзания рек, преодолевая многочисленные препятствия, добираются до Искера. Описания зимовки казаков отсутствуют. Тем не менее мотив льда,

смерзшейся реки, соединяется в романе Чарской со сценой преодоления казаками железных цепей, натянутых татарами вдоль реки:

Струги чуть тащились по Тоболу. Он словно обмелел. *Словно перед тем, как заковаться ледяною броней¹, решил подиутить злую шутку над казаками Тобол.* <...>

...только когда что-то с силойбрякнуло о дно лодки, и легкий струг поднялся носом над водой, точно ожил, проснулся Ермак.

– Што, на мели, што ли?.. Еще не доставало!.. – суровым голосом проронил он.

– Бог весть, что случилось, атаман... А только *через Тобол протянута какая-то преграда*... <...>

– Дьяволы!.. – выругался Ермак, – вишь, бритоголовые, чем досадили!.. Ин, ладно!.. Бери чеканы да секиры, робя, *разбивай преграду поладнее*... [57. С. 216–218].

Именно в этот момент, накануне наступления зимы, Ермак впервые всматривается в непроницаемое, закрытое зимой будущее сибирского предприятия: «Задумался Ермак... Как-то *неожиданно, сразу наступила осень.* <...> *Будущность похода представлялась темной, непроницаемой, как ночь под черной завесой.* Кто поднимет эту завесу? Кто расскажет, что ждет дружину в этом холодном, неведомом краю?» [57. С. 217].

Переход от второй группы текстов к третьей можно проиллюстрировать, сравнив роли мотива в дореволюционных произведениях Радича и Чарской с историческим романом А. Весёлого «Гуляй Волга» 1932 г.:

**В.А. Радич
«Ермак» (1908)**

...мелкие суда были вытащены на берег, а тяжёлые барки *зазимовали во льду* [56. С. 29]

**Л.А. Чарская
«Грозная дружина»
(1909)**

– Братцы! – прозвучал... голос Ермака. – Куда бежать нам, ребяташки?.. Время осеннее... позднее... Гляди, *лед на реках смерзать* *зачинает*... *Струги засосет*... [57. С. 254]

**А. Весёлый
«Гуляй Волга» (1932)**

По ночам берега обмерзали, морозом рвало и коржило струги, порою доводилось *вырубать струги из льда топорами* [59. С. 145].

¹ Ср. с железными доспехами самого Ермака. В советской детской повести Т.С. Грица «Ермак» зимняя корка на Иртыше названа «ледяной кольчугой» [58. С. 67].

Если в первых двух текстах лед остается непроходимой преградой, угрожает казачьим стругам пленением, остановкой, то в первом советском романе о Ермаке казаки буквально собственными руками прорубают лед.

В *третью группу* произведений о Ермаке, где имеется мотив льда, можно отнести советские произведения 1930–1950-х гг. Мотив льда в этих текстах не только функционирует на уровне поэтики, структуры произведения, но и отсылает к внелитературной проблематике, к историческому сюжету борьбы за освоение Арктики в 1920–1930-е гг. В эту группу входят детская повесть Т.С. Грица «Ермак» (1941), а также исторические романы В.А. Сафонова «Конец Кучумова царства» (1945)¹ и Е.А. Фёдорова «Ермак» (1955).

Три из названных произведений содержат встроенный в них эпизод об Оливере Брюнеле – голландце, замороженном «изобилием русских товаров», привезенных из-за Белого моря в Европу, и попытавшемся разведать морской торговый путь на Север (Мангазея) и Восток (Индию и Китай). Согласно этим известиям, в Холмогорах Брюнель увидел поморов, которые на своих кочах бесстрашно «пускались мимо льдов, где вмерзшими стояли оба судна сэра Хью Виллоуби со своим экипажем мертвецов» [60. С. 72], начал учиться у них и перенимать их обычаи, за что был посажен в ярославскую тюрьму как шпион. В освобождении Брюнеля из тюрьмы поучаствовали Строгановы, также ищущие путь в Мангазею. Всеми тремя советскими авторами в образе Брюнеля подчеркнуты продажность, шпионаж, а также предательство Строгановых, помешавшее своевременному освоению русскими Севера:

Т.С. Гриц «Ермак»

Приехав в Россию, он начал изучать русский язык. Однако Брюнелль оказался слишком любознательным. *Заподозрили его в шпионстве*, арестовали и посадили в тюрьму. <...> Продавал с большой выгодой русские меха. Потом Строгановы послали его в Мангазею. <...> Задумал он морем и Обью добраться до Китая. Уговаривал Строгановых, сулил большие выгоды. <...> Два искусных корабельных мастера построили уже на строгановских верфях суда для плавания по Ледовитому океану. <...> Боясь, что русские дознаются о его темных

¹ Роман печатался частями в журнале «Знамя» в 1944 г. (№ 3–5), а впоследствии был опубликован отдельным изданием в сильно переработанном виде.

умыслах, он к Строгановым не вернулся, мореходные карты продал голландским купцам, а сам поступил на службу в Дании [58. С. 6–7].

В.А. Сафонов «Конец Кучумова царства»

Он отпустил бороду, стал божиться по-русски и принялся так настойчиво изучать обычаи этой страны, повадки ее купцов, управление воевод и тайну пути на Обь, что его *схватили, как штиона*, и бросили в ярославскую тюрьму.

Он был человеком без роду и племени, *ненасытным, хитрым и готовым ради золота продать родину, отца и мать* [60. С. 72]¹.

Образ Брюнеля репрезентирован как явный антипод Ермака, его история вводится в повествование для того, чтобы контрастно подчеркнуть, что освоение Севера и Сибири является делом исключительно русского народа. Наиболее выразительно эта мысль проводится в романе Фёдорова, где, в соответствии с советской национальной политикой и с проекцией на результаты Второй мировой войны, образ Ермака и его поход в Сибирь изображен как событие общенационального значения. Так, в ответ на вопрос Брюнеля о причинах неудачи плавания капитана Хью Виллоуби помор-кормщик отвечает: «оттого аглицкий капитан не дошел до сих мест, что тут *нужна русская смекалка* да понимать, о чем говорит океан-море» [61. Т. 1. С. 256]. Более того, в романе неоднократно проводится мысль о захватнических намерениях Европы по отношению к границам Русского государства и вынужденной охранительной политике русских царей. Нарратив об *исконно русских землях* относится и к берегам «Студеного моря»:

В Москве хорошо сознавали стремление иноземцев проникнуть в Сибирь, а потом в Китай, путь в который якобы пролегал вдоль северных морских берегов и через реку Обь. <...>

При царе Иване Васильевиче Грозном англичане предприняли первое путешествие северным путем в Индию. *Два корабля затерло льдами, и они погибли вместе с моряками*, третий попутным ветром занесло в Белое море, и он заплыл в устье Северной Двины. Англичан приняли благожелательно и завели с ними торг. Но дальнейшие попытки иноземцев проникнуть к устью Оби *не увенчались успехом* [61. Т. 1. С. 259–260].

¹ Многочисленные лексические совпадения свидетельствуют о том, что пассаж об Оливере Брюнеле в романе Е.А. Федорова явным образом списан с произведения В.А. Сафонова: [61. Т. 1. С. 253–259].

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу о том, как первый в мире арктический ледокол, знаковое изобретение для эпохи стремительно ускорявшегося на рубеже XIX–XX вв. технического прогресса, связан с покорителем Сибири Ермаком, можно отметить следующее. Образ Ермака в русской культуре теснейшим образом связан с семантикой воды – на уровне как сюжета, так и семантики имени. Одним из смежных воде мотивов является мотив льда. Убедительное присутствие семантики, связанной с преодолением ледяной преграды, можно обнаружить как в средневековых летописных текстах, так и в более поздних обработках сюжета о Ермаке. При этом в произведениях XIX–XX вв. мотив льда всякий раз наделяется смыслами лиминальности, идеей перехода из первобытного, дикого, доисторически страшного пространства-времени в культурное, освоенное, знакомое. Ермак в данном случае оказывается ключевой фигурой, осуществляющей переход, прорыв через границу, тем самым напоминая основную функцию ледокола – прокладывание водной дороги через ледяные преграды. Позднейшая риторика возникает как бы «на излете» давно сформированной образотворческой традиции, трансформирует ее и «возвращает» новой, уже советской, словесности.

Список источников

1. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 449 с.
2. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи : В 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. С. 58–75.
3. *Топоров В.Н.* От имени к тексту // Имя: Семантическая аура. М. : ЯСК, 2007. С. 15–27.
4. Ермак – гордость России: краткий исторический справочник. Тюмень : Изд-во ТГУ, 2016. 346 с.
5. Народная энциклопедия «Ермак». Тюмень : ТюмГУ-Press, 2023. 444 с.
6. *Пушкин А.С.* Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенинникова // Полное собрание сочинений : в 17 т. М. : Воскресенье, 1995. Т. 10. С. 287–310.
7. *Прасников В.Б., Добрякова М.А., Куликов С.В.* Переименование кораблей и корабельной символики флота России после революции 1917 года // Военно-исторический журнал. 2020. 15 августа. URL: <http://history.milportal.ru/pereimеноvanie-korabelej-i-korabelnoj-simvoliki-flota-rossii-posle-revoljucii-1917-goda/>
8. *Кононович Г.О.* История «Ермака». М. : Морской транспорт, 1958. 128 с.

9. С.О. Макаров: Документы : в 2 т. М. : Военно-морское изд-во Мин. обороны союза ССР, 1960. Т. 2. 783 с.
10. *Мирошниценко П.Г.* Ветеран Арктики ледокол «Ермак». Норильск : АПЕКС, 2013. 207 с.
11. *Висковатов П.А.* Василий Тимофеевич Ермак, покоритель Сибири // Висковатов П.А. Как Сибирь стала русской землей. Очерки покорения Сибири. М. : Изд. кн. кл. М.В. Ключкина, 1914. С. 9–44.
12. *Макаров С.О.* «Ермак» во льдах: Описание постройки и плаваний ледокола «Ермак» и свод научных материалов, собранных в плавании : в 2 ч. СПб. : Тип. СПб. акц. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1901. 507 с.
13. Ледокол «Ермак» (от нашего корреспондента). Лондон, 7 марта (23 февраля) // Московские ведомости. 1899. № 64 (6 (18) марта). С. 2.
14. Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 91 (4 апреля). С. 3.
15. *С.И.В.* «Ермак» на Неве // Сибирская торговая газета. 1899. № 84 (15 апреля). С. 2–3.
16. О ледоколе «Ермак» // Сибирская торговая газета. 1899. № 51 (6 марта). С. 2.
17. Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 62 (5 марта). С. 4.
18. Русское слово. 1899. № 66 (8 марта). С. 3.
19. *Липягов А.* Несколько слов по поводу ледокола // Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 114 (29 апреля). С. 2.
20. Русские ведомости. 1899. № 95 (6 апреля). С. 2.
21. Русские ведомости. 1899. № 94 (5 апреля). С. 2.
22. Русские ведомости. 1899. № 64 (6 марта). С. 2.
23. *Камчатский Ив.* «Ермак» // Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 91 (4 апреля). С. 1.
24. «Ермак» // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1932. Т. 24. Стб. 531–532.
25. Ледокол «Ермак» // Большая советская. М. : Сов. энциклопедия, 1953. Т. 24. С. 439.
26. *Сорокин М.Я., Лурье А.Я.* «Ермак» ведет корабли. М.; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1951. 200 с.
27. *Визе В.Ю.* Северный морской путь. Л.; М. : Изд-во Главсевморпути, 1940. 96 с.
28. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. М. : Морской транспорт, 1956–1969.
29. Северные морские пути России. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 672 с.
30. *Белкин С.И.* Сокрушающие лед. М. : Знание, 1983. 191 с.
31. *Кузнецов Н.* Отечественные морские ледоколы от «Ермака» до «50 лет Победы». М. : Paulsen, 2014. 31 с.
32. *Бугаева Л.Д.* Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018. № 8. С. 222–245.

33. *Кларк К.* Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 58–80.
34. *Скубач О.* Страх и Север: Арктика глазами советских полярников 1920–1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 104–116.
35. *Франк С.* Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 82–97.
36. *Mccannon J.* Tabula rasa in the North: The Soviet Arctic and mythic landscapes in Stalinist popular culture // The landscape of Stalinism: the art and ideology of Soviet space. Seattle; London : University of Washington Press, 2003. P. 241–260.
37. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии 10–21 марта 1939 г. : стенографический отчет. М. : ОГИЗ Гос. изд-во полит. лит., 1939. 744 с.
38. *Савельев Е.П.* Кто был Ермак и его сподвижники. Новочеркасск : Областная войска Донского типография, 1904. 64 с.
39. *Плюханова М.Б.* Гибель Петра I в реке Смородине // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1982. С. 17–31.
40. *Brooks J.* From Folklore to Popular Literature: A Changing View of the Autocrat and the Empire // Russian History. 1987. Vol. 14, № 1/4. P. 37–46.
41. Сибирские летописи. СПб. : Императорская археографическая комиссия, 1907. 793 с.
42. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб. : Тип. Н. Греча, 1821. Т. 9. 717 с.
43. *Небольсин П.И.* Ермак. Исторический рассказ для детей : в 2 ч. СПб. : А.И. Попов, 1849. 240 с.
44. *Парунов М.Н.* Ермак покоритель Сибири. СПб. : Я.А. Исаков, 1874. 32 с.
45. *Муравьев А.Н.* Ермак // Северная лира на 1827 год. М. : Наука, 1984. С. 125–129.
46. *Анисимова Е.Е.* Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А.Н. Муравьева «Ермак» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101.
47. *Никонов Н.Г.* Ермак. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1973. 48 с.
48. *Блажес В.В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. 186 с.
49. *Свиньин П.П.* Ермак или Покорение Сибири: исторический роман XVI столетия : в 4 ч. СПб. : Тип. Х. Гинце, 1834. 752 с.
50. *Калачев К.Н.* Ермак, покоритель Сибирского царства: Ист. повесть из времен Иоанна Грозного (В стихах). Новочеркасск : Ред. «Казачьего вестн.», 1884. Вып. 1. 168 с.
51. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник // Полное собрание сочинений : в 17 т. М. : Воскресенье, 1995. Т. 4. С. 89–117.
52. *Николаева Е.* От плахи – к почести: Ист. роман из эпохи завоевания Сибири : в 3 ч. СПб. : Калашников. тип. А. Трунова, 1891. 677 с.

53. Гейнце Н.Э. Ермак Тимофеевич : исторический роман : в 2 ч. СПб. : Тип. В.В. Комарова, 1900. 554 с.
54. Казачий атаман Ермак Тимофеевич, или Покорение Сибирского царства : ист. роман : в 3 ч. М. : А.Д. Сазонов, 1899. 359 с.
55. Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 573 с.
56. Радич В.А. Ермак : ист. рассказ. СПб. : Тип. «Графич. ин-т» Э.П. Лукшевица, 1908. 40 с.
57. Чарская Л.А. Грозная дружина : ист. повесть. СПб.; М. : Т-во М.О. Вольф, 1909. 352 с.
58. Грив Т.С. Ермак. М. : ГИДЛ, 1954. 79 с.
59. Веселый А. Гуляй Волга. М. : Сов. писатель, 1936. 227 с.
60. Сафонов В.А. Конец Кучумова царства // Знамя. 1944. № 4. С. 64–104.
61. Федоров Е.А. Ермак. Исторические повести : В 2 т. Калуга: Негоциант, 1993. 1072 с. Т. 1.

References

1. Freidenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow: Labirint.
2. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1992) Mif – imya – kul'tura [Myth – name – culture]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1, Tallinn: Aleksandra. pp. 58–75.
3. Toporov, V.N. (2007) Ot imeni k tekstu [From name to text]. In: *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic aura]. Moscow: YaSK. pp. 15–27.
4. Zaytsev, G.S. & Stepanchenko, V.I. (eds) (2016) *Ermak – gordost' Rossii: kratkiy istoricheskiy spravochnik* [Yermak – Pride of Russia: A brief historical reference]. Tyumen: Tyumen State University.
5. Zaytsev, G.S. & Stepanchenko, V.I. (eds) (2023) *Narodnaya entsiklopediya "Ermak"* [People's Encyclopedia "Yermak"]. Tyumen: TyumGU-Press.
6. Pushkin, A.S. (1995) Zametki pri chtenii "Opisaniya zemli Kamchatki" S.P. Krasheninnikova [Notes while reading "Description of the Land of Kamchatka" by S.P. Krasheninnikov]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: Voskresen'e. pp. 287–310.
7. Prasnikov, V.B., Dobryakova, M.A. & Kulikov, S.V. (2020) Pereimenovanie korabley i korabel'noy simboliki flota Rossii posle revolyutsii 1917 goda [Renaming of ships and ship symbols of the Russian fleet after the 1917 Revolution]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://history.milportal.ru/pereimenovanie-korablej-i-korabelnoj-simvoliki-flota-rossii-posle-revolyucii-1917-goda/>
8. Kononovich, G.O. (1958) *Istoriya "Ermaka"* [History of "Ermak"]. Moscow: Morskoy transport.

9. Shlomin, V.S. (ed.) (1960) *S.O. Makarov: Dokumenty* [S.O. Makarov: Documents]. Vol. 2. Moscow: Voenno-morskoe izd-vo Min. oborony soyuza SSR.
10. Miroshnichenko, P.G. (2013) *Veteran Arktiki ledokol "Ermak"* [The Arctic veteran icebreaker "Ermak"]. Norilsk: APEKS.
11. Visovatov, P.A. (1914) Vasilii Timofeevich Ermak, pokoritel' Sibiri [Vasily Timofeevich Ermak, conqueror of Siberia]. In: Visovatov, P.A. *Kak Sibir' stala russkoy zemley. Ocherki pokoreniya Sibiri* [How Siberia Became Russian Land. Essays on the Conquest of Siberia]. Moscow: Izd. kn. skl. M.V. Klyukina. pp. 9–44.
12. Makarov, S.O. (1901) *"Ermak" vo l'dakh: Opisanie postroyki i plavanii ledokola "Ermak" i svod nauch. materialov, sobr. v plavanii* ["Ermak" in the ice: Description of the construction and voyages of the icebreaker "Ermak" and a collection of scientific materials gathered during the voyages]. Saint Petersburg: Tip. Spb. akts. o-va pech. dela v Rossii E. Evdokimov.
13. *Moskovskie vedomosti*. (1899) Ledokol "Ermak" (Ot nashego korrespondenta). London, 7 marta (23 fevralya) [Icebreaker "Ermak" (From our correspondent). London, March 7 (February 23)]. 6 (18) March. 64. p. 2.
14. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. (1899) 4 April. 91. p. 3.
15. S.I.V. (1899) "Ermak" na Neve ["Ermak" on the Neva]. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. 84 (15 April). pp. 2–3.
16. *Sibirskaya trgovaya gazeta*. (1899) O ledokole "Ermak" [About the icebreaker "Ermak"]. 51 (6 March). p. 2.
17. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. (1899) 62 (5 March). p. 4.
18. *Russkoe slovo*. (1899) 66 (8 March). p. 3.
19. Lipyagov, A. (1899) Neskol'ko slov po povodu ledokola [A few words about the icebreaker]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 114 (29 April). p. 2.
20. *Russkie vedomosti*. (1899) 6 April. 95. p. 2.
21. *Russkie vedomosti*. (1899) 5 April. 94. p. 2.
22. *Russkie vedomosti*. (1899) 6 March. 64. p. 2.
23. Kamchatsky, Iv. (1899) "Ermak". *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 91 (4 April). p. 1.
24. Soviet Encyclopedia. (1932) "Ermak". In: *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 24. Moscow: Sov. entsiklopediya. cols. 531–532.
25. Soviet Encyclopedia. (1953) Ledokol "Ermak" [Icebreaker "Ermak"]. In: *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 24. Moscow: Sov. entsiklopediya. p. 439.
26. Sorokin, M.Ya. & Lurie, A.Ya. (1951) *"Ermak" vedet korabli* ["Ermak" leads ships]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
27. Vize, V.Yu. (1940) *Severnyy morskoy put* [The Northern Sea Route]. Leningrad; Moscow: Izd-vo Glavsevmorputi.
28. Belov, M.I. et al. (1956–1969) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route]. Vols 1–4. Moscow: Morskoy transport.

29. Vasil'eva, V.V. & Gavrilova, K.A. (eds) (2023) *Severnye morskije puti Rossii* [Russia's Northern Sea Routes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
 30. Belkin, S.I. (1983) *Sokrushayushchie led* [Crushing the ice]. Moscow: Znanie.
 31. Kuznetsov, N. (2014) *Otechestvennye morskije ledokoly ot "Ermarka" do "50 let Pobedy"* [Domestic icebreakers from "Ermark" to "50 Let Pobedy"]. Moscow: Paulsen.
 32. Bugaeva, L.D. (2018) Arkticheskiy mif v sovetskoy kul'ture 1930-kh godov i ego vrozozhdenie [The Arctic myth in Soviet culture of the 1930s and its revival]. *Zvezda*. 8. pp. 222–245.
 33. Clark, K. (2009) Imperskoe vozvyshennoe v sovetskoy kul'ture vtoroy poloviny 1930-kh godov [The imperial sublime in Soviet culture of the late 1930s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 95. pp. 58–80.
 34. Skubach, O. (2020) Strakh i Sever: Arktika glazami sovetskikh polyarnikov 1920–1930-kh godov [Fear and the North: The Arctic through the eyes of Soviet polar explorers in the 1920s–1930s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2 (162). pp. 104–116.
 35. Frank, S. (2011) Teplaya Arktika: k istorii odnogo starogo literaturnogo motiva [The warm Arctic: On the history of an old literary motif]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2 (108). pp. 82–97.
 36. McCannon, J. (2003) Tabula rasa in the North: The Soviet Arctic and mythic landscapes in Stalinist popular culture. In: *The landscape of Stalinism: The art and ideology of Soviet space*. Seattle; London: University of Washington Press. pp. 241–260.
 37. All-Union Communist Party. (1939) *XVIII s'ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii 10–21 marta 1939 g.: Stenograficheskiy otchet* [18th Congress of the All-Union Communist Party, March 10–21, 1939: Stenographic report]. Moscow: OGIZ Gos. izd-vo polit. lit-ry.
 38. Savelyev, E.P. (1904) *Kto byl Ermak i ego spodvizhniki* [Who Yermak and his companions were]. Novocherkassk: Oblastnaya voyska Donskogo tipografiya.
 39. Plyukhanova, M.B. (1982) Gibel' Petra I v reke Smorodine [The death of Peter I in the Smorodina River]. In: *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic Philology. Literary studies]. Tartu: Tartu State University. pp. 17–31.
 40. Brooks, J. (1987) From Folklore to Popular Literature: A Changing View of the Autocrat and the Empire. *Russian History*. 14 (¼). pp. 37–46.
- Here are the remaining references formatted in APA style with your requested modifications:
41. Imperial Archaeographic Commission. (1907) *Sibirskie letopisi* [Siberian chronicles]. Saint Petersburg: Imperial Archaeographic Commission.
 42. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Vol. 9. Saint Petersburg: Tip. N. Grecha.
 43. Nebolsin, P.I. (1849) *Ermark. Istoricheskiy rasskaz dlya detey* [Yermak: A historical story for children]. Parts 1–2. Saint Petersburg: A.I. Popov.
 44. Parunov, M.N. (1874) *Ermark pokoritel Sibiri* [Yermak the conqueror of Siberia]. Saint Petersburg: Ya.A. Isakov.

45. Murav'yov, A.N. (1984) Ermak [Yermak]. In *Severnaya lira na 1827 god* [Severnaya Lira for 1827]. Moscow: Nauka. pp. 125–129. (Original work published 1827)
46. Anisimova, E.E. (2023) Konstruirovanie istoricheskoy pamyati o Sibiri v russkoy literature 1820-kh godov: ballada A.N. Murav'eva “Ermak” [Constructing historical memory of Siberia in Russian literature of the 1820s: A.N. Muravyov's ballad “Yermak”]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 87–101.
47. Nikonov, N.G. (1973) *Ermak* [Yermak]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.
48. Blazhes, V.V. (2002) *Fol'klor Urala: Narodnaya istoriya o Ermake* [Ural folklore: The folk history of Ermak]. Yekaterinburg: Ural University.
49. Svin'in, P.P. (1834) *Ermak ili Pokorenie Sibiri: istoricheskii roman XVI stoletiya* [Yermak or The Conquest of Siberia: A historical novel of the 16th century]. Parts 1–4. Saint Petersburg: Tip. Kh. Gintse.
50. Kalachev, K.N. (1884) *Ermak, pokoritel' Sibirskogo tsarstva: Ist. povest' iz vremen Ioanna Groznogo* [Yermak, the conqueror of the Siberian kingdom: A historical tale from the time of Ivan the Terrible]. Issue 1. Novocherkassk: Red. “Kazach'ego vestnika”.
51. Pushkin, A.S. (1995) Kavkazskiy plennik [The prisoner of the Caucasus]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Voskresen'ie. pp. 89–117. (Original work published 1822)
52. Nikolaeva, E. (1891) Ot plakhi – k pochesti: Ist. roman iz epokhi zavoevaniya Sibiri [From the scaffold to honor: A historical novel from the era of the conquest of Siberia]. Parts 1–3. Saint Petersburg: Kalashnikov. tip. A. Trunova.
53. Geyntse, N.E. (1900) *Ermak Timofeevich: Istorieskiy roman* [Yermak Timofeevich: A historical novel]. Parts 1–2. Saint Petersburg: Tipografiya V.V. Komarova.
54. Anon. (1899) *Kazachiy ataman Ermak Timofeevich, ili Pokorenie Sibirskogo tsarstva: Ist. roman* [Cossack ataman Yermak Timofeevich, or The conquest of the Siberian kingdom: A historical novel] Parts 1–3. Moscow: A.D. Sazonov.
55. Shenk, F.B. (2016) *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [Train to modernity: Mobility and social space of Russia in the age of railroads]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
56. Radich, V.A. (1908) *Ermak: Ist. rasskaz* [Yermak: A historical story]. Saint Petersburg: Tip. “Grafich. in-t” E.P. Lukshevitsa.
57. Charskaya, L.A. (1909) *Groznyia družhina: Ist. povest'* [The formidable squad: A historical tale]. Saint Petersburg; Moscow: T-vo M.O. Vol'f.
58. Grits, T.S. (1954) *Ermak* [Yermak]. Moscow: GIDL.
59. Vesely, A. (1936) *Gulyay Volga* [Roll on, Volga]. Moscow: Sov. pisatel'.
60. Safonov, V.A. (1944) *Konets Kuchumova tsarstva* [The end of Kuchum's kingdom]. *Znamya*. 4. pp. 64–104.
61. Fedorov, E.A. (1993) *Ermak. Istorieskie povesti* [Yermak: Historical tales]. Vols 1–2. Kaluga: Negotsiant.

Информация об авторе:

Баженова Я.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: 54955594@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ya.V. Bazhenova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 54955594@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья принята к публикации 13.11.2024.
The article was accepted for publication 13.11.2024.*